

СЕТА ЛОУ

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

этнография
пространства
и места

STUDIO
URBANICA

Сета Лоу

Пространственное воплощение культуры. Этнография пространства и места Серия «Studia Urbanica»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70401811

*Пространственное воплощение культуры.. Этнография пространства
и места: Новое литературное обозрение; Москва; 2024
ISBN 9785444823743*

Аннотация

Как социальные и культурные процессы отражаются в городских пространствах? И что об этом может рассказать этнография? Опираясь на более чем двадцатилетний опыт полевых исследований, антрополог Сета Лоу показывает, как основанный на этнографическом подходе пространственный анализ способен пролить свет на повседневную жизнь людей, в чьи дома и места проживания вторгаются глобализация, неравномерное пространственное развитие (uneven development), насилие и социальное неравенство. Лоу разрабатывает понятие «пространственного воплощения культуры», включающее в себя одновременно несколько концептуальных рамок: от социального производства и социального конструирования пространства

до анализа телесности, дискурса, эмоций, аффектов и трансллокальности. В сочетании этих подходов автор видит способ по-новому взглянуть на взаимодействие человека с окружающей средой в городском планировании и архитектуре. Задача, которую ее концепция помогает решить, – предложить специалистам новые методы для создания социально чувствительной и экологически устойчивой городской среды.

Сета Лоу – профессор антропологии, наук о Земле и окружающей среде (географии), психологии среды и женских исследований в Аспирантском центре Городского университета Нью-Йорка (CUNY Graduate Center).

Содержание

Благодарности	9
1. Введение. Значение этнографии пространства и места и подходы к ней	17
Предварительные замечания	17
Этнографический обзор Юнион-сквер (Нью-Йорк)	23
Пространственное воплощение культуры	35
Структура книги	44
2. Генеалогии. Теоретические концепции пространства и места	47
Введение	47
Генеалогии пространства и места	59
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Сета Лоу
Пространственное
воплощение культуры..
Этнография
пространства и места
STUDIA URBANICA

СЕТА ЛОУ
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
Этнография пространства и места

Новое литературное обозрение
Москва
2024

SETHA LOW
SPATIALIZING CULTURE
The Ethnography of Space and Place

Routledge

London & New York

2017

УДК 930.85:39

ББК 71.082

Л81

Редактор серии О. Паченков

Перевод с английского Н. Проценко

Сета Лоу

Пространственное воплощение культуры: Этнография пространства и места / Сета Лоу. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – (Серия STUDIA URBANICA).

Как социальные и культурные процессы отражаются в городских пространствах? И что об этом может рассказать этнография? Опираясь на более чем двадцатилетний опыт полевых исследований, антрополог Сета Лоу показывает, как основанный на этнографическом подходе пространственный анализ способен пролить свет на повседневную жизнь людей, в чьи дома и места проживания вторгаются глобализация, неравномерное пространственное развитие (uneven development), насилие и социальное неравенство. Лоу разрабатывает понятие «пространственного воплощения культуры», включающее в себя одновременно несколько концепту-

альных рамок: от социального производства и социального конструирования пространства до анализа телесности, дискурса, эмоций, аффектов и транслокальности. В сочетании этих подходов автор видит способ по-новому взглянуть на взаимодействие человека с окружающей средой в городском планировании и архитектуре. Задача, которую ее концепция помогает решить, – предложить специалистам новые методы для создания социально чувствительной и экологически устойчивой городской среды.

Сета Лоу – профессор антропологии, наук о Земле и окружающей среде (географии), психологии среды и женских исследований в Аспирантском центре Городского университета Нью-Йорка (CUNY Graduate Center).

В оформлении обложки использована фотография Roberto Lee Cortes on Pexels.com

ISBN 978-5-4448-2374-3

© 2017 Setha Low

Authorised translation from the English language edition published by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group

© Н. Проценко, перевод с английского, 2024

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

Ради будущего – Александру, Максу и Скай

Благодарности

Эта книга начиналась с серии бесед с Долорес Хейден, Салли Мерри, а позднее и Нилом Смитом, вызванных их пронизательными вопросами о полевых методах, разновидностях данных и построении теории для изучения пространства и места. Важные наблюдения на эту тему представили Дебора Пеллоу, Теодор Бестор, Мэтью Купер, Роберт Ротенберг и Маргарет Родмен как в своих публикациях, так и во время встреч за обеденным столом на ежегодных собраниях Американской антропологической ассоциации. Непосредственное участие в работе над книгой принимала Дениз Лоуренс-Суньига, поделившаяся материалами, которые мы обсуждали и над которыми совместно работали. В процессе написания книги на помощь в прочтении отдельных глав и внесении предложений и замечаний с конструктивной критикой пришли Джефф Масковски, Ида Сассер, Гейли Моуден, Кристин Монро, Ребио Диас, Бабетта Одан, Клэр Панетта, Эва Тешса Удвархейи, Весна Вучинич, Чихсинь Чиу, Асил Савалха, Джессика Уайнгар, Фарха Ганнам, Сара Хэнкинс, Сандра Уэйл, Стефан Тоннела, Сюзан Шелд и Вейва Аглинскас. Я глубоко признательна всем перечисленным коллегам за интеллектуальную, эмоциональную и содержательную поддержку этого проекта.

В процессе совместного с Лори Олин, а затем и Робертом

Ханна преподавания ландшафтной архитектуры и участия в работе градостроительных студий в Университете Пенсильвании я выяснила, что ключевыми компонентами в воображении и создании пространств и мест являются обследование территории, построение схем дорожного движения, формирование программ коллективных мероприятий и эскизное проектирование. В работе планировочных студий, лабораторий по дизайну среды, а также в консалтинговых проектах по дизайну мои коллеги способствовали применению этнографических методов, позволявших добиваться лучшего понимания не только собственно архитектурного, но и социального и культурного аспектов при создании мест; таких мест, которые способствуют раскрытию человеческого потенциала, а не потворствуют неравенству. Значимость этнографических интерпретаций при разработке программ по созданию мест не так давно подчеркивали мои коллеги в Институте Прэтта Рон Шиффмен и Дэвид Бёрни. Хотелось бы поблагодарить этих целеустремленных исследователей за возможность изучить то, как этнографические методы способны играть важную роль в анализе и проектировании искусственной (антропогенной) среды (built environment)¹.

---

¹ При выборе оптимального варианта перевода идиомы built environment было отдано предпочтение имеющему более терминологический характер словосочетанию «искусственная (антропогенная) среда», хотя в обиходном смысле вполне допустим перевод «застройка». — *Примеч. пер.* Здесь и далее примечания переводчика и редактора даются в виде ссылок внизу страницы; мелкие пояснения и дополнения переводчика в основном тексте взяты в квадратные скобки. Приме-

Этнографические примеры, представленные в книге, не состоялись бы без финансирования и командной работы с участием многих специалистов. В особенности хотелось бы поблагодарить за поддержку Службу национальных парков США и отдельно Дорис Фанелли (Национальный исторический парк Независимости), Ричарда Уэллса (Эллис-Айленд), Уильяма Гарретта (парк Якоба Рииса), покинувшего нас Мюриеле Креспи, бывшего директора Программы по прикладной антропологии Службы национальных парков (Вашингтон, округ Колумбия), а также Ребекку Джозеф и Чака Смита, бывших региональных директоров этнографической программы по Восточному побережью США. Кроме того, благодарю за содействие Аспирантский центр Городского университета Нью-Йорка и Центр экологии человека. Реализовать все эти исследовательские проекты было бы гораздо сложнее без воодушевления Сьюзен Сэгерт и профессионализма Джареда Бекера.

Финансовую поддержку моим этнографическим полевым исследованиям оказывали различные фонды и грантовые организации. Исследование истории и этнографии *пласы* в столице Коста-Рики Сан-Хосе (см. главу 3) [Low 2000 / Лоу 2016] было выполнено на средства исследовательского гранта Фонда антропологических исследований Уэннер-Грена, средства Национального фонда стипендиального целевого капитала в гуманитарной сфере, исследовательской стипен-

дии Фулбрайта и стипендии Мемориального фонда Джона Саймона Гуггенхайма. Исследование закрытых жилых комплексов в США (gated communities, см. главу 7) профинансировали Фонд антропологических исследований Уэннер-Грена и Исследовательский фонд Городского университета Нью-Йорка. Исследование рынка на Мур-стрит (см. главу 8) было проведено в рамках одной из инициатив Проекта по развитию общественных пространств Нью-Йорка. Фонд Расселла Сейджа профинансировал пилотное исследование изменений в районе Бэттери-Парк-сити после событий 11 сентября (см. главу 7), а Канадский исследовательский совет по социальным и гуманитарным наукам предоставил средства на проект по жилищным кондоминиумам (см. главу 6), выступивший источником компаративных данных для исследования Рэнди Липперта в Торонто. Я признательна всем фондам, благодаря которым стали возможны эти проекты, а также Университету Пенсильвании и Аспирантскому центру Городского университета Нью-Йорка за оплачиваемые академические отпуска, позволившие мне завершить полевые исследования и описать полученные результаты.

В сборе данных для проектов Службы национальных парков участвовали многие магистранты Аспирантского центра Городского университета Нью-Йорка – многие из них уже сами стали профессорами. В этом списке отдельно хотелось бы отметить таких людей, как Сюзанн Шелд, Дана Тейплин, Трейси Фишер, Ларисса Хани, Чарльз Прайс, Беа

Видач, Мэрилин Диггс-Томпсон, Эйна Апарисио, Реймонд Кодрингтон, Карлотта Паскуали, Кармен Видаль, Кейт Брауэр и Нэнси Шварц. Многие этнографические проекты были реализованы командами, входящими в Группу по изучению общественных пространств. В проекте в Бэттери-Парк-сити участвовали Майк Лэмб и Дана Тейплин, с которыми я продолжаю сотрудничать. Елена Данайла, Эндрю Кирби, Лин-мари Бенитес и Мариана Диас-Виончек – участники исследования закрытых жилых комплексов – на тот момент были магистрантами, записавшими множество интервью в Нью-Йорке. Грегори Донован, Джен Джизкинг, Джессика Миллер, Оуэн Тоуз и Хиллари Колдуэлл были участниками двух групп по исследованию жилищных кооперативов (см. главу 6), а Дженнифер Ориц, Хелен Панагиотопулос и Шелли Бачбайндер были задействованы в проекте по кондоминиумам. Я признательна всем этим молодым ученым, которые привнесли в исследовательский процесс положительные эмоции и интеллектуальный напор. Благодаря их идеям, энтузиазму и упорству работа шла вперед даже в те моменты, когда мы сталкивались со сложностями и задержками, и без всех, кого я упомянула, ее бы не удалось завершить.

Кроме того, я хотела бы поблагодарить за предоставленные фотоматериалы Петара Декича (фотографии променада (*корсо*) из города Смедеревска-Паланки в Сербии), Грегори Донована (фотография Юнион-сквер в Нью-Йорке), Бабетту Одан (фотографии рынка на Мур-стрит в Нью-Йорке), Джес-

сику Миллер (фотографии большого кооперативного дома в Нью-Йорке) и Джоэла Лефковица, сделавшего много разных снимков, которые использованы в книге. Служба национальных парков, Бри Кресслер, Чихсинь Чиу, Клэр Панетта и Дин Шарп участвовали в подготовке материалов для схем, которые затем обрабатывала и верстала Эрин Лилли, архитектор и магистрантка, являющаяся ассистентом в моих исследованиях. Превосходная работа Эрин над визуальными материалами, иллюстрирующими каждую главу книги, заслуживает высокой оценки.

Для того чтобы книга содержала больше этнографических примеров, многие коллеги разрешили мне подробно цитировать их работы. Среди тех, кого хотелось бы за это поблагодарить, назову таких исследователей, как Чихсинь Чиу, разрешивший использовать его работу о рынке Шилинь в Тайбэе, Бабетта Одан, Родриго Корхадо, Аманда Матлес и Бри Кресслер (полевые материалы по рынку на Мур-стрит), Дорис Фанелли, Дана Тейплин, Сюзанн Шелд и Трейси Фишер (полевые материалы и публикации по Национальному историческому парку Независимости), Джессика Уайнгар и Фарха Ганнам (работы, посвященные протестам на площади Тахрир в Каире), Асил Савалха (работы о столице Ливана Бейруте), Сара Хэнкинс (работы о новом главном автовокзале столицы Израиля Тель-Авива) и Габриелла Моуден (публикации и гипотезы о ее жилищном кооперативе в Маунт-Плезанте, Вашингтон, округ Колумбия). Все эти авторы лю-

безно откликнулись на просьбу прочесть те фрагменты книги, где упоминались их работы, и если после этого остались какие-то неточности, то они целиком на совести автора.

На всем протяжении работы над книгой и ее выпуска в печать меня воодушевляла редактор издательства Routledge Кэтрин Онг, находившая блестящих рецензентов, которые помогли сделать текст более качественным. Хотелось бы поблагодарить и эффективного и внимательного помощника редактора Лолу Карр. Когда Кэтрин была в отъезде, за помощь и советы в работе над книгой отвечала ее заместитель Луиза Вахтрик. Руководителю издательского проекта Отэм Сполдинг при помощи выпускающего редактора Рут Берри удалось качественно и своевременно отправить книгу в печать.

Наконец, я хотела бы поблагодарить своего спутника жизни Джоэла Лефковица за любовь и поддержку на всем протяжении моих исследований и написания книги. Это был долгий путь, и Джоэл внес принципиальный вклад в завершение работы и как читатель черновиков, и как редактор, и как человек, который вдохновлял меня двигаться дальше. Он не только ученый, но и профессиональный фотограф; он сопровождал меня во время полевых исследований и сделал много снимков, которые представлены в этой работе. Его вера в значимость моей книги и готовность на все что угодно – от приготовления еды до сканирования, отправки факсов и поиска потерянных ссылок на источники, лишь бы работа бы-

ла завершена, – имели решающее значение. Я признательна Джоэлу за его юмор и здравый смысл.

1. Введение. Значение этнографии пространства и места и подходы к ней

Предварительные замечания

Этнографическое изучение пространств и мест имеет принципиальное значение для понимания повседневной жизни людей, в чьи дома и места проживания вторгаются глобализация, неравномерное пространственное развитие (uneven development)², насилие и социальное неравенство.

---

² Термин «неравномерное развитие» неизбежно подразумевает пространственную составляющую во многом благодаря исследователям школы мир-системного анализа, которые рассматривали разные траектории социально-экономического развития в сопряжении с пространственной дифференциацией центра, полупериферии и периферии глобальной капиталистической системы. Этот термин широко распространен в разных социальных науках, однако наиболее плодотворно применяется в рамках современной политической экономии (Нил Смит, Дэвид Харви и др.) и определяется как систематический процесс, посредством которого социальные и экономические изменения в капиталистических обществах увеличивают богатство одних мест за счет других. Как пишет Нил Смит, «неравномерность развития является отличительной чертой капиталистических обществ, их географической подписью, прямым пространственным переводом логики накопления капитала» (*Smith N. Uneven Development, Geography of // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / Neil J. Smelser, Paul B. Baltes (eds). Pergamon, 2001).* – Примеч. ред.

Эти процессы подталкивают, а во многих случаях и заставляют людей покидать те сообщества и районы, где они выросли, и искать новые места обитания, которые были бы наполнены смыслом и имели потенциал для создания новых идентичностей. Необходимо признать, что критический уровень бедности, неолиберальные структурные реформы и глобальный капитализм порождают такие пространственные эффекты, как миграции вдоль оси «север – юг»³, возникновение лагерей беженцев, джентрификация, приватизация общественных пространств, ориентированные на извлечение прибыли городское планирование и редевелопмент. Под воздействием конкурирующих притязаний на пространства и отдельные места, а также проистекающих из них территориальных и культурных конфликтов происходит трансформация социальных отношений между этническими и религиозными группами, классами, регионами, государствами и жилыми районами. Такие глобальные проблемы, как антропогенные катастрофы, гражданские войны, террористические атаки, изменения климата и прочие экологические бедствия, невозможно отделить от материальных, символических

---

³ Понятия «глобальный Север» и «глобальный Юг» также восходят к переосмыслению пространственных отношений в глобальном капитализме в мир-системном анализе. Этот вектор приходит на смену более мейнстримному противопоставлению «Запада» и «всех остальных» (the West and the Rest). В современной социальной науке это разделение нередко критикуется за упрощенное представление глобального капиталистического развития, но при этом также часто используется (похожие дискуссии возникают вокруг терминов «постсоциалистические страны», «глобальный Восток» и др.). – *Примеч. пер.*

ческих и идеологических аспектов пространства и места.

Кроме того, растущий интерес к этнографии пространства и места происходит из исследований в таких сферах, как науки об окружающей среде (environmental studies), геоинформационные системы (GIS), городские исследования, мир-системный анализ, изучение миграции, технологии строительства/проектирования, и в других областях, связанных с концепциями пространства, места и территории. Можно привести даже пример из области медицины, где внимание к значимости пространства и места привлекли результаты исследований трех ученых, которые в 2014 году были удостоены Нобелевской премии по физиологии и медицине за изучение «внутренней GPS [системы глобального позиционирования]» мозга, позволяющей ориентироваться в окружающем пространстве не только лабораторным крысам, но и человеку. Еще в 1971 году профессор Джон О'Киф обнаружил структуры, названные им клетками (нейронами) места, и «продемонстрировал, что эти клетки фиксировали не только видимое, но и незримое для них, выстраивая внутренние карты в различных средах» (Altman 2014). В 2005 году профессора Эдвард и Мэй-Бритт Мозер выявили еще один компонент присутствующей в мозге системы позиционирования, открыв нервные клетки, которые отвечают за координацию и ориентацию, – они получили название клеток (нейронов) решетки (Altman 2014). В этих исследованиях постулируется биологическая основа ориентации в про-

странстве и делается более существенный акцент на человеческом опыте пространства и места. Даже в области архитектуры, где застройка и пространственные отношения зачастую предопределяются формальными принципами проектирования, не связанными с опытом и предпочтениями людей, состоялось возрождение представлений о пространстве с точки зрения культуры. О внимании же к категории места (place) свидетельствует появление в архитектурных и дизайнерских вузах курсов и программ по «созданию мест» (place-making) (Weir 2013).

Все более уверенным становится и понимание значимости этнографии в качестве методологии для решения социально-пространственных проблем и публичной политики. Среди представителей социальных наук уже звучали призывы к более ангажированной этнографической практике и приверженности целям социальной справедливости (Low 2011, Low and Merry 2010), к созданию публичной антропологии, нацеленной на выявление расовых предрассудков и расизма (Mullings 2015), и публичной социологии, выходящей за рамки традиционных количественных прикладных исследований (Burawoy 2005 / Буравой 2008). Как утверждает Дидье Фассен, «этнографический подход особенно актуален для малоисследованных сегментов общества», поскольку он «проливает свет на неизвестное», одновременно «подвергая допросу очевидное» (Fassin 2013: 642). Этнографические исследования получают признание даже в рамках междуна-

родной системы правосудия благодаря их применению для мониторинга нарушений прав человека и фиксации нарастающего во всем мире ощущения небезопасности (Goldstein 2012, Merry et al. 2015). Способность этнографии давать точные описания и проводить исследования, учитывающие разные точки зрения, обеспечивает гибкость и нестандартность подхода к сложностям сегодняшних социальных отношений и культурных контекстов. Этнография пространства и места в качестве подраздела этого методологического комплекса обладает не только всеми перечисленными особенностями, но и потенциалом для интеграции материальности и смыслов человеческих действий и практик в локальном, транслокальном и глобальном масштабах.

Ил. 1.1. Юнион-сквер (Грегори Т. Донован)

Этнографический обзор Юнион-сквер (Нью-Йорк)

Одним из способов оценить возможности этнографии пространства и места является обращение к какой-либо уже существующей локации и тем исследовательским вопросам и интригующим взаимосвязям, которые сразу же возникнут перед нами. Например, что привлекает ваше внимание при рассмотрении снимка Юнион-сквер в Нью-Йорке (ил. 1.1)? Видите ли вы прежде всего городскую площадь в окружении высотных зданий, построенных по проектам известных архитекторов, широкие тротуары, вдоль которых расположены модные магазины, и заполненные автомобилями улицы – или же вы сосредоточитесь на людях, которые собираются в этом месте, и многообразии их занятий? Увлечены ли вы разноплановой фактурой и обстановкой этого места (одни участки площади покрыты деревьями и травой, а на других располагаются памятники, киоски, торговые точки и навесы при разнообразии тротуарной плитки и ступенек) – или же вас больше интересуют границы этого пространства, присутствующая в нем материальная инфраструктура, наличие точек доступа в интернет и камер видеонаблюдения? Вспоминается ли вам опыт нахождения в похожей локации в другое время и в другом месте – или же вы пытаетесь зафиксировать свои ощущения здесь и сейчас? С чего бы вы нача-

ли изучение или переосмысление этого общественного пространства?

Для ответа на эти вопросы существует множество этнографических подходов. Есть ли у вас особый интерес к истории этого места: хотите ли вы узнать, когда и при каких обстоятельствах происходила его застройка? Или, быть может, вы размышляете о том, какие политические решения принимались при выделении средств и проектировании этого места, осуществлялось ли его финансирование и содержание за государственный или частный счет? Подобные типы вопросов относятся к исследовательскому подходу, в основе которого лежит концепция социального производства пространства.

Теперь представим, что вас занимает совсем другой вопрос: почему так много людей стекаются в одни места, а не в другие, – а еще вы хотите узнать, кто все эти люди, чем они занимаются и о чем думают. Либо, возможно, вы хотите больше узнать о том, какой смысл имеет эта городская площадь для тех, кто ее посещает, а также для людей, живущих неподалеку или даже в пригородах. Является ли это пространство комфортным для одних людей и не вызывает ли оно у других ощущение исключенности (*exclusion*) – нахождения не на своем месте? Вопросы, относящиеся к группам людей, их социальной активности и повседневным смыслам, формируют социально-конструктивистский подход к исследованию пространства.

Следующая разновидность вопросов проясняет то, каким образом некое место трансформирует опыт оказавшегося здесь человека. Есть ли разница в том, какие ощущения эта площадь рождает у ее жителей, туристов или, скажем, «цветной» молодежи? Меняет ли восприятие людьми этой площади то, что о ней говорят? Как влияет на ощущение этого места бесцельное шатание по нему либо целеустремленное движение в каком-то направлении? Как физическое пространство становится частью социального мира, а социальность места одновременно обретает материальное качество? Эти типы вопросов относятся к аффективному, дискурсивному, телесному и транслокальному подходам к изучению пространства и места.

В этой книге будут представлены многочисленные варианты ответов на перечисленные вопросы, опирающиеся на различные генеалогии, теоретические позиции и этнографические исследования. Отправной точкой для этих способов осмысления пространства являются два сложившихся подхода: 1) социальное производство пространства и искусственной среды (built environment) и 2) социальное конструирование пространства и создание места (place-making). Однако мы не будем ограничиваться этими подходами и перейдем к рассмотрению пространства при помощи теорий, в основе которых лежат тело (воплощение), дискурс, транслокальность и аффект. Исходная гипотеза заключается в том, что пространство одновременно является как социаль-

но сконструированным, так и материальным и воплощенным феноменом, в связи с чем наша задача состоит в разработке концептуального каркаса, который сводит эти идеи воедино, – пространственного воплощения культуры (*spatializing culture*).

В основе этой работы лежит представление о том, что этнографы обладают преимуществом в понимании пространства и места, поскольку начинают исследования с полевого этапа. Вне зависимости от того, идет ли речь о долгосрочном исследовании или же об этнографической экспресс-оценке того или иного места⁴, о многофокусном анализе региона или о сравнении контуров мобильности и перемещений, этнографы погружены в свойственную полевой работе непосредственность материального мира и человеческих субъективностей. Возникающие из «осадочного материала» этнографических исследований концепции пространства и места опираются на преимущества изучения жизни людей *in situ* [в естественных условиях (*lam.*)], которое дает насыщенные и детализированные социально-пространственные интерпретации. Несмотря на то что разногласия по поводу эпистемологических вопросов, принципов формирования данных и форм репрезентации порой усиливают различия в концептуальных позициях, немаловажно признать, что этногра-

---

⁴ Подробнее о методологии этнографической экспресс-оценки, или REAP (*Rapid Ethnographic Assessment Procedure*), Сета Лоу пишет в главе 4, посвященной подходам к социальному конструированию пространства. – *Примеч. ред.*

фические исследования пронизаны общим опытом полевой работы и императивом «работы на земле».

В рамках этой общей структуры задействуется социокультурная точка зрения на пространство и место, которая опирается на характерные для социальной науки и проектной деятельности (design profession) представления и определения, но при этом сохраняет некоторую строгость в дефинициях. Эта точка зрения ставит во главу угла гибкую и зависящую от контекста концепцию культуры, использование этнографии в качестве основополагающей методологии и отдает предпочтение «обоснованной» теории⁵, рождающейся из данных в диалоге с доминирующими концептуальными основаниями. В этой книге будет представлен сложный спектр теорий пространства и места, однако существуют лейтмотивы, которые скрепляют эту сферу воедино. Прояснение этих лейтмотивов и диспозиций расширяет возможности рассмотрения и формулировки вопросов о простран-

---

⁵ Обоснованная теория (grounded theory) в рамках социальных наук представляет собой методологию исследования, предполагающую построение теории на основе анализа собранных данных. Возникновение этой методологии восходит к дискуссиям 1960-х годов о количественных и качественных методах в социологии. В отличие от многих количественных исследований, построенных на тестировании уже существующих теорий, качественная методология (как и обоснованная теория) предполагает построение гипотез одновременно с полевым этапом (или после него). При этом методы сбора и анализа данных в таком исследовании четко прописываются и контролируются. См. на русском: *Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники* / Пер. с англ. Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – *Примеч. ред.*

стве и месте, отличающих этнографические исследования от деятельности наших коллег из других дисциплин, которые сталкиваются с иными вызовами. Например, Дэвид Харви в своей работе «Пространства глобального капитализма» затрудняется с определением пространства, утверждая, что это понятие обладает настолько усложненным набором значений, что есть риск «потерять себя в этом лабиринте» (Harvey 2006: 119). Проблема заключается в том, что Харви движется от марксистских представлений об абстрактном пространстве в направлении реляционных концепций, а в таких теоретических изысканиях зачастую сложно прийти к финальному решению. В свою очередь, Долорес Хейден в известной книге «Сила места» бьется над определением места (place), называя это слово «одним из самых коварных в английском языке, напоминая чемодан, настолько набитый вещами, что его невозможно закрыть» (Hayden 1995: 15). Хейден вникает в социальные, исторические и архитектурные характеристики места, применяя методы, в которых для понимания его значения делается акцент на эволюции строительных технологий, планировочных стратегий и политики дизайна.

Этнографы, располагаясь между двумя этими интеллектуальными традициями, способны продуктивно черпать идеи из обеих. Они одинаково легко обращаются и с факторами формирования материального пространства в политэкономических марксистских подходах, и с историческими описаниями антропогенной среды, и с живым опытом от-

дельных людей, порождающим связанные с местом смыслы. Разумеется, исследование пространства и места – задача не из простых, к тому же она усложняется сохраняющимися разногласиями относительно того, какое из этих двух понятий – пространство или место – является приоритетным и какова природа их отношений. Тем не менее этнографы обладают уникальным и особенно полезным преимуществом – привязкой к полевой работе. Без эмпирического «заземления» в пространстве и правда легко потеряться или остаться с чемоданом без ручки. Поэтому цель моей книги заключается в том, чтобы продемонстрировать, каким образом этнографические исследования и методология уже использовались для понимания пространства и места, а также доказать, что этнография обеспечивает уникальный и ценный подход к такому междисциплинарному предприятию, как изучение пространства и места.

Пространство как вместилище культуры являлось значимым понятием уже для первых представителей научной этнографии, оставивших описания антропогенной среды, например для Льюиса Генри Моргана и его работы «Дома и домашняя жизнь американских туземцев» (Morgan 1881 / Морган 1934). Исследования пространственных форм и моделей расселения также включались в сравнительные описания материальной культуры в качестве одного из элементов кросс-культурных исследовательских проектов наподобие работы Джорджа Мердока «Этнографический ат-

лас: краткое изложение» (Murdock 1967). Архитектура коренных народов, пространственная организация деревень, планировка жилья – все это в качестве манифестаций культуры относилось к комплексу материальных особенностей, которые делают возможной адаптацию к физической среде (Rapoport 1969).

Кроме того, пространство выступало частью этнографических оснований антропологии и социологии в работах Эмиля Дюркгейма (Durkheim 1965 / Дюркгейм 2018) и Марселя Мосса (Mauss and Beauchat 1979 [1906]), которые считали искусственную среду неотъемлемой частью социальной жизни (Lawrence and Low 1990). «Этнография спасения»⁶ Франца Боаса (Boas 1964 [1888]) и таких его учеников, как Лесли Спайер (Spier 1933) и Альфред Крёбер (Kroeber 1939), содержала масштабное документирование использования и значения пространственных отношений. Эти пространственные описания рассматривались в качестве фона для повседневных занятий, предоставляющего данные для теорий историко-культурных областей (culture-area theories), где различные характеристики культуры связывались при помощи символизма, географических локусов и маршрутов миграции.

Одна из причин исходных сомнений некоторых совре-

---

⁶ Работы Франца Боаса (1858–1942) и его последователей получили название этнографии спасения, поскольку зачастую они были посвящены культурам, находившимся на грани исчезновения, – например, коренных народов Америки. – *Примеч. пер.*

менных этнографов относительно использования пространственного концептуального аппарата заключалась в предполагаемой индексальной зависимости (indexicality)⁷ между людьми и местом, затрудняющей рассмотрение пространства или места таким способом, который бы не сводился к его обитателям. Арджун Аппадурай (Appadurai 1988) и Маргарет Родмен (Rodman 1985, 1992) справедливо критиковали этнографические исследования места и пространства, в которых они оказывались само собой разумеющимися декорациями, куда помещались описания, либо когда этнографическое исследование сводилось к некой локации, где коренное население как бы пребывало «в заточении». Как указывал Альберто Корсин Хименес, «„коренное население“, безвылазно остающееся в пределах той или иной территории, на самом деле перемещается точно так же, как и люди, которые вытеснены из своих мест или мигрируют» (Jiménez 2003: 140). Кроме того, Хименес критиковал подразумеваемое индексальное отношение между той или иной культурной группой и ее географической локацией. Вместо этого современным этнографам требуется гибкая и мобильная концепция пространства, которая учитывает способы исторического и материального производства пространства, а также то, какое

---

⁷ Понятие индексальности относится к классификации знаков у основателей американской семиотики Чарльза Сандерса Пирса и Чарльза Морриса, которые выделяли такой тип знаков, как индексы. В частности, Моррис относил к индексальным такие знаки, которые указывают на некий уникальный, единственный в своем роде объект. — *Примеч. пер.*

влияние на создание пространства оказывают перемещения, мечты и желания людей, социальное взаимодействие и взаимоотношения в окружающей среде. Хотя поначалу этнографы относили пространство к описанию материального окружения, современная этнография пространства и места ориентирована на процесс, основой ее выступают личность, объект и сообщество, а также она допускает множество форм агентности и политических возможностей.

Одним из выходов является признание того, что место и пространство всегда обладают той или иной воплощенностью (embodied). Их материальность может быть не только физически локализованной и тем самым налично присутствующей, но и метафорической и дискурсивной. Включение в пространственный анализ воплощенности, «в которой тело является субъективным источником или интересубъективной основой опыта» (Csordas 1999: 143), проблематизирует пространство и место, в результате чего появляется возможность для исследований на разных уровнях. Именно при помощи воплощенного пространства глобальное интегрируется в повседневную жизнь, вписанную (inscribed) в ту или иную территорию. Итак, мы предлагаем концептуальное осмысление пространства и места, выявляющее воплощенные пространства индивидов и групп в качестве средоточий транслокальных и транснациональных пространственных потоков, а также личного опыта, практики создания места (place-making) и восприятия. Это отчасти позволит

устранить ту неоправданную укорененность пространства и места, которая обнаруживается в предшествующей антропологической и социологической мысли.

Наше рассмотрение понятий пространства и места базируется на работах философов, социальных теоретиков, географов, специалистов по психологии среды (*environmental psychology*)⁸, архитекторов и антропологов, которые уже обращались к обозначенному кругу вопросов и предложили продуктивные аналитические описания (они будут рассмотрены в главе 2). Однако значительная часть подобных работ отличается абстрактностью, и даже несмотря на их провокативный характер, они не всегда соответствуют потребностям

---

⁸ Распространенный перевод понятия *environmental psychology* как «экологическая психология» представляется не вполне точным, хотя и контекстуально допустимым. Необходимо учитывать, что в современном русском языке слово «экология» устойчиво ассоциируется с охраной природы (вплоть до пресловутой «борьбы за экологию»), тогда как в английском понятие *ecology* во многом синонимично понятию *environment* (окружающая среда). Более точный вариант был предложен в переводе одной из первых вышедших на русском языке работ из этой области исследований, книге чешского исследователя Михала Черноушека «Психология жизненной среды» (оригинальное издание – 1986 год, см. на русском: Черноушек М. Психология жизненной среды / Пер. с чеш. И. И. Попа. М.: Мысль, 1989), где, в частности, утверждалось, что «психологии окружающей среды, или экологической психологии, как отрасли науки с четко выраженными чертами до сих пор нет». Поэтому в настоящем переводе был сделан выбор в пользу нейтрального варианта «психология среды». В то же время стоит отметить, что в последние годы в русском языке в связи с модой на создание корпоративных «экосистем» происходит определенное сближение семантического поля корня «эко» с базовым значением английского слова *environment* (окружающая среда). – *Примеч. пер.*

этнографических и других эмпирических исследований. Поэтому важным моментом является и то исходное условие, что этнография пространства и места обеспечивает методологическое и практическое руководство для полевых исследователей.

В то же время этнографы и полевые исследователи зачастую не участвуют в теоретических дискуссиях о пространстве и месте, поскольку их этнографические и этноархеологические описания непросто включить в макротеории пространственного анализа. В этой книге будет оспорено представление о том, что детализированные и тщательно просеянные этнографические данные имеют периферийное, а не центральное значение для развития теории. Для этого нам потребуется показать способы, при помощи которых этнографы осуществляют пространственное воплощение культуры (*spatialize*), и тем самым раскрыть их теоретический и методологический потенциал.

Пространственное воплощение культуры

Рассмотренные сюжеты – дальнейшая разработка концептуальной структуры этнографического подхода к пространству и месту, а также включение в него представления о воплощенном пространстве, одновременно материальном и переживаемом в опыте, – формируют «строительные леса» этой книги. Реализация этих задач осуществляется при помощи глубинного анализа «пространственного воплощения культуры» – концепции, возникшей из моей работы о городской площади (*plaza*) в Латинской Америке (Low 2000 / Лоу 2016) и этнографического описания социально-пространственной организации и социальных институтов в обществах Западной Африки у Деборы Пеллоу (Pellow 2002). Благодаря последующим исследованиям и теоретическим построениям понятие «пространственное воплощение культуры» превратилось в многомерный каркас, включающий все перечисленные выше подходы к категориям пространства и места – с точки зрения социального производства и социального конструирования, а также телесный, дискурсивный, эмоционально-аффективный и транслокальный подходы. Под «пространственным воплощением» я понимаю производство и размещение в пространстве – в материальном, историческом, аффективном и дискурсивном смыслах – со-

циальных отношений, институтов, репрезентаций и практик. «Культура» в данном контексте означает множественные и обусловленные конкретными обстоятельствами формы знания, власти и символизма, которые охватывают взаимодействия людей и нечеловеческих акторов (human and nonhuman interactions), материальные и технологические процессы, а также когнитивные процессы, включая мысли, верования, воображение и восприятие.

Понятие пространственного воплощения культуры полезно не только в качестве концептуального каркаса: оно еще и представляет собой мощный инструмент выявления социальной несправедливости и различных форм социального исключения. Кроме того, как демонстрируют приведенные в книге этнографические примеры, оно может способствовать вовлечению людей в решение общественных проблем, поскольку пространственные исследования дают как отдельным людям, так и сообществам средства для подлинного понимания тех привычных мест повседневного опыта, где мы живем, работаем, совершаем покупки и общаемся. Концепция пространственного воплощения культуры представляет собой не только академическое начинание – оно еще и дает основу для различных форм низового городского активизма или противостояния архитектурным, градостроительным и проектировочным интервенциям, способным уничтожать архитектурные средоточия социальной жизни, стирать из ландшафта культурные смыслы и ограничивать участие

местного сообщества в формировании антропогенной среды.

По сути, пространственное воплощение культуры представляет собой диалогический процесс, который связывает социальное производство пространства и природы, а также социальное развитие антропогенной среды (King 1980, Lefebvre 1991 / Лефевр 2015, Low 1996, Smith 1984) с социальным конструированием смыслов пространства и места (Kuper 1972, Lawrence and Low 1990, Rodman 1992, Rotenberg and McDonogh 1993, Pellow 1996, 2002). Пространственное воплощение культуры сводит воедино социальный, экономический, идеологический и технологический аспекты формирования материальной среды с феноменологическим и символическим опытом, опосредованным социальными процессами наподобие обмена, конфликта и контроля. Материалистический акцент, присутствующий в концепции социального производства, полезен для понимания и определения особенностей исторического и политэкономического формирования городского пространства, тогда как концепция социального конструирования указывает на наделение пространства смыслом посредством языка, социальных взаимодействий, памяти, репрезентации, поведения и повседневного использования. В силу экономических, политических и идеологических причин и социальное производство, и социальное конструирование оказываются полем разногласий и конфликтов (Low 1996, 2000 / Лоу 2016).

Однако в исходной формулировке концепции пространственного воплощения культуры не принимались во внимание те способы, при помощи которых человеческие и нечеловеческие тела также производят, воспроизводят, формируют и собирают вокруг себя пространство и место (Amin 2014, Amin and Thrift 2002 / Амин и Трифт 2017, Butler 1993, Simone 2006). Рамку пространственного воплощения культуры размыкает телесный подход, который тела рассматривает как мобильные пространственные поля, состоящие из пространственно-временных единиц, наделенных чувствами, мыслями, предпочтениями и намерениями, а также неосознаваемыми культурными верованиями и практиками. Люди и нечеловеческие акторы создают пространство при помощи своих тел и их мобильности, задавая значение, форму, а в конечном итоге и устойчивые модели повседневных движений и траекторий, которые воплощаются в конкретных местах и ландшафтах (Massey 2005, Munn 1996, Pred 1984, Rockfeller 2009).

Добавление лингвистического и дискурсивного подходов, в центре которых находятся способы категоризации и языковой репрезентации пространства, задает дальнейшее расширение концепции пространственного воплощения культуры. Это расширение происходит благодаря исследованию того, каким образом для трансформации пространств и пространственных практик используются речь и медиа (Duranti 1992, Hall 1968, Modan 2007). Аналогичным образом эмоции и

аффекты играют ключевую роль в трансформации пространства и места при помощи досознательных, неосознаваемых и осознанных процессов, которые придают экспрессию поведению и практикам, влияют на них, а также обуславливают передачу и циркуляцию ощущений (Anderson 2009, Ramos-Zayas 2012, Thrift 2008).

Окончательная модификация диалогической модели представляет собой переосмысление категорий пространства и места сквозь обладающую двумя фокусами «оптику» – глобальной и локальной перспективы. Последствия глобализации оказались более масштабными, чем структурная перестройка экономик и национальных государств (nation-states) в результате пространственно-временного сжатия и стремительного ускорения обращения капитала, труда и людей. Помимо этого, глобализация производит новые разновидности пространств, таких как особые экономические зоны и налоговые гавани, представляющие собой самодостаточные и самоуправляемые пространственные локации (Looser 2012). В то же время транснациональные и виртуальные сети, силу которых определяют технологии мгновенной коммуникации и социальные медиа, создают различные формы транслокального пространства, позволяющего людям одновременно жить во множестве мест и получать соответствующий опыт. Добавление транслокального подхода, преодолевающего географическую привязку и описывающего человеческую и нечеловеческую материаль-

ность в контексте пространственно-временного сжатия, наделяет концепцию пространственного воплощения культуры более значительным потенциалом при обращении к глобальным реалиям будущего.

Выбрать наилучшую репрезентативную характеристику для всей этой рамочной структуры оказалось проблематично, поскольку для обозначения различных аспектов пространственного воплощения культуры может быть использовано множество понятий: перспективы, подходы, измерения или сферы. Например, понятие «сфера» (domain) выглядит слишком статичным, как будто способы изучения пространства и места обладают четкими и не наслаивающимися друг на друга границами, а понятие «измерение» (dimension) подразумевает возможность порядковых оценок или наличие континуума, которого еще не существует. Такие термины, как «перспективы» или «подходы», являются неуместно размытыми. Поэтому более адекватной представляется метафора концептуальной рамки, или «оптики», указывающей на фокусы исследования, а также на способы поиска и структурирования исследовательских вопросов. Отдельно взятая концептуальная «оптика» многовариантна, ее границы проницаемы, но при этом она заставляет исследователя сконцентрироваться на каком-то особом аспекте изучаемого явления и тем самым выступает в качестве руководящего инструмента в сложном поле исследований пространства и места. Каждая такая концептуальная рамка обеспечивает

отдельный подход к описанию, объяснению и применению обнаруженных результатов и подразумевает использование особых этнографических методов и техник.

Такой подход позволяет организовать материал книги вокруг пространственного воплощения культуры как каркаса, состоящего из различных концептуальных рамок, рассмотрение каждой из которых подразумевает три цели. Во-первых, необходимо проследить разработку той или иной рамки в уже существующих исследованиях, оценить ее сильные стороны и ограничения. Каждая рамка обеспечивает особую «оптику» для изучения пространства и антропогенной среды, наряду с эпистемологическими проблемами и методами, которые, не будучи взаимоисключающими, делают акцент на разных теоретических конвенциях и техниках производства знания.

Вторая цель заключается в том, чтобы продемонстрировать, каким образом этнография способна прояснить каждую из этих рамок и дать представления о конкретных локациях и проблемах. Для этого в текст включены этнографические примеры, которые выступают иллюстрациями излагаемых в книге теорий. Одновременно при рассмотрении этих примеров мы обратимся к двум методологическим вопросам, возникающим при изучении пространства и места: 1) каким образом та или иная концептуальная рамка формирует отдельно взятый исследовательский проект и 2) как этнографическое исследование помогает уточнить избранный

подход и сделать его более практичным.

Анализ каждой концептуальной рамки дает основание для третьей цели, заключающейся в том, чтобы продемонстрировать, каким образом эти рамки пересекаются и налагаются друг на друга. Например, концептуальная рамка воплощенного пространства интегрирует материальное/биологическое и испытывающее ощущения тело с восприятиями, мыслями, намерениями и чувствами, которые формируются социокультурными навыками/практиками и локальной/глобальной средой и в то же время выступают их противовесом. Именно так рамка воплощенного пространства соединяется с рамками социального производства и конструирования, аффекта и транслокальности. Моя книга представляет собой начальный шаг в разработке подобных моделей и методологий пространства и места, в особенности в части их применения к этнографическим исследованиям и политическому активизму.

Ограничения, продиктованные объемом книги, заставили принимать непростые решения о том, какой материал включать в текст, а какой оставить за его пределами. Генеалогии пространства и места, представленные в главе 2, очерчивают те интеллектуальные традиции, которые оказывают влияние на используемые в этой работе концепции пространства и места. Опираясь на опыт моих этнографических исследований, читатели, заинтересованные в появлении обоснованной теории, смогут проследить, как идеи и методы эволю-

ционируют в пределах исследовательского поля – собственно, этот момент и отражается как в ходе длительной полевой работы, так и в проектах прикладных исследований. Дополнительные этнографические примеры из уже опубликованных работ моих коллег, работающих по всему миру, позволяют увидеть, каким образом пространственное воплощение культуры осуществляется в совершенно разных этнографических контекстах. Шесть перечисленных выше подходов (социальное производство, социальное конструирование, воплощение, язык и дискурс, эмоции и аффекты, транслокальность) и множество задействованных в исследованиях сред (площади, парки, жилье, мемориалы, районные сообщества, центры городов, рынки, железнодорожные и автобусные вокзалы) – все это способствовало моей исследовательской и преподавательской деятельности. Значительная часть моей полевой работы происходила на Американском континенте (Северная и Южная Америки), поэтому читателю следует учесть, что данное ограничение отразилось на представленных в книге литературе и примерах.

Структура книги

При изучении пространства и места исследователи из области социальных наук зачастую исходят из перспективы социального конструирования, которая подчеркивает роль социального взаимодействия, символов и языка в придании формы и смысла физическому пространству. Данная позиция особенно плодотворна для исследования процесса создания конкретных мест (place-making) и социального значения пространства, однако она не лишена недостатков. Социальное конструирование не обращается к материальности, имеющей основополагающее значение для политического, экономического и исторического подходов, таких как социальное развитие антропогенной среды (King 1980), марксистский исторический материализм (Harvey 1976, Smith 1984) и социальное производство пространства (Lefebvre 1991 / Лефевр 2015).

Ученые и исследователи, в особенности те, кто отдает должное марксистской, материалистической и исторической точкам зрения, с большей вероятностью приступят к делу с позиций политической экономии и истории пространства. Точка зрения, в основе которой лежит социальное производство, делает акцент на истории и политической экономии искусственной среды и ландшафта, раскрывая глубинные причины того, как и почему они появились, кому (например, го-

сударству или людям) или чему (например, землетрясениям или строительной технике) они обязаны своим существованием и когда все это произошло. Такой подход дает материалистическое толкование способов восприятия, обустройства и формирования пространства. Подходы, в основе которых лежит концепция социального производства, не обязательно исключают социально-конструктивистские интерпретации, поскольку материальная среда наделяется смыслом при помощи репрезентационных и символических процессов. Однако доктрина социального производства постулирует, что материальность играет первоочередную роль, задавая форму процессам социального конструирования посредством специфических механизмов власти, практик гегемонии, экономических стратегий, политического и военного контроля.

Обе эти концептуальные рамки – социальное конструирование и социальное производство – широко используются в этнографических исследованиях пространства и места: именно на них приходится основная масса работ в этой сфере. Другие представленные в книге позиции еще не настолько состоялись и являются более абстрактными – в частности, речь идет о подходах, основанных на воплощенном пространстве и процессе создания мест (place-making), языковом и дискурсивном анализе пространства и места, эмоциональном и аффективном аспектах пространства и среды, а также на влиянии пространственно-временного сжатия на

транснациональные и транслокальные места. Некоторые из указанных концептуальных рамок, в особенности воплощенное и транслокальное пространство, любопытным образом объединяют эмпирическое, социальное и материальное измерения пространства и места. К ним мы обратимся более подробно в заключительной главе, рассмотрев их в качестве одного из аспектов многослойной методологии, формирующей этнографию пространства и места.

2. Генеалогии. Теоретические концепции пространства и места

Введение

Рассмотрение истории понятий пространства и места представляет собой первый шаг к выявлению их этнографической значимости в рамках междисциплинарного поля, состоящего из научных традиций, которые по-разному воздействуют эти термины. Без обзора предшествующих традиций и практик отдельных дисциплин сложно установить их нынешнее значение или рассмотреть их потенциал для появления новых идей. Знакомство с разными определениями и вариантами использования терминов «пространство» и «место» является неотъемлемым моментом моей книги, поскольку эти сложные понятия обладают длительной и зачастую неоднозначной историей в философии, социальных науках, архитектуре и дизайне.

Вместе с тем доскональный анализ основ использования понятий «пространство» и «место» в различных дисциплинах представляет собой отдельную сферу исследований (см. Hubbard and Kitchin 2011 и Creswell 2015 – о географии, Casey 1998 – о философии, Hayden 1995 и Forty 2000 – об

архитектуре, Law and Lawrence-Zuñiga 2003 и Lawrence and Law 1990 – об антропологии). В этой главе будут в общих чертах рассмотрены контексты употребления данных терминов, а также будет сделан акцент на сходствах и отличиях моего подхода и подходов других авторов. Я уже обращалась к пространству и месту в рамках поля антропологии в совместных обзорных работах с Дениз Лоуренс-Суньигой (Lawrence and Law 1990, Law and Lawrence-Zuñiga 2003), тезисы которых здесь не будут приводиться заново. Вместо этого мы сосредоточимся на формулировках и определениях, которые оказались наиболее плодотворны для современной теоретической мысли и этнографических исследований.

Эта глава представляет собой ряд произвольно организованных генеалогий. Термин «генеалогия» в том смысле, как его употреблял Мишель Фуко, не обозначает историю идей, а используется для описания некоего набора концепций, которые напоминают друг друга и влияют друг на друга, не складываясь в строгую историографию. В работе «Ницше, генеалогия, история» Фуко утверждал, что «генеалогия скучна, она кропотлива и скрупулезно документальна. Она имеет дело с неразборчивыми, полустертыми, множество раз переписанными пергаменами» (Foucault 1977: 139–140 / Фуко 1996: 74). В том же самом смысле теоретические и исследовательские источники не обязательно четко соответствуют друг другу, но при этом дают представление об актуальных интеллектуальных спорах. В этой главе сопоставля-

ются определения, которые используют и о полезности которых дискутируют философы, социальные теоретики, географы, антропологи, специалисты по психологии среды и архитекторы. Задача этого экскурса заключается в том, чтобы представить примерный список авторов, статей и монографий, которые лежат в основе рассматриваемых в последующих главах гипотез и концептуальных положений, формируют их и влияют на них.

В рамках отдельных дисциплин и на их пересечении давно присутствует значительная семантическая путаница, которая привела к разногласиям по поводу концептуальных взаимоотношений между пространством и местом. Одни исследователи утверждают, что различие этих конструктов избыточно, поскольку они обозначают одно и то же, тогда как другие проводят между ними различия и рассматривают их как пересекающиеся или вложенные один в другой. Дифференциация пространства и места или ее отсутствие обычно связываются с теоретическим оформлением той или иной исследовательской проблемы и такими специфическими аспектами этого оформления, как масштаб, эпистемология или значимость для конкретной дисциплины. Для прояснения этой двусмысленности целесообразно рассмотреть схождения и расхождения между категориями пространства и места.

Первая концептуализация, к которой мы обратимся, предполагает, что пространство и место являются отдельны-

ми конструктами, не имеющими взаимных пересечений, или же что первоочередную и теоретическую актуальность имеет только одно из этих понятий – либо пространство, либо место. Например, в феноменологических теориях и эпистемологиях, лежащих в основе работ специалистов по гуманистической географии, философов-хайдеггерианцев и представителей психологии среды, в качестве преобладающего конструкта используется место. С другой стороны, марксизм, неомарксизм, математика, геометрия и исторический материализм являются теоретическими основаниями для тех исследователей, которые в качестве всеобъемлющего конструкта используют пространство. Таким образом, на противоположных концах рассматриваемого нами континуума находятся две эпистемологически дискретные позиции, которые можно обнаружить во многих генеалогиях.

Вторая, не столь распространенная теоретическая позиция заключается в том, что пространство и место являются отдельными конструктами, но при этом они накладываются друг на друга, в результате чего (по меньшей мере умозрительно) возникает некая зона их пересечения и схождения. Эту точку контакта можно рассматривать в качестве интеграции пространства и места или слияния некоторых их характеристик, которые связывают два конструкта, в противном случае отделенные друг от друга. Примеры данной конфигурации представлены в главе 8 при рассмотрении способов производства транслокальных пространств при помощи

воплощенного пространства, пространственно-временного сжатия и коммуникационных технологий. Транслокальное пространство можно рассматривать в качестве момента, возникающего при пересечении физических пространств, формируемых потоками миграции и другими транснациональными процессами, с местами повседневной жизни мигрантов.

Еще одна концептуальная конфигурация отражает наиболее распространенный способ осмысления пространства и места в социальных науках. В данном случае пространство выступает в большей степени опоясывающим конструктом, тогда как место сохраняет свою актуальность и значение, но лишь в качестве некоего подвида пространства. Место определяется как обжитое пространство, состоящее из пространственных практик, и переживается феноменологически – в качестве примера можно привести обладающее культурной значимостью пространство дома.

В имеющейся литературе по нашей проблематике представлены и обратные отношения между пространством и местом, когда место оказывается более масштабной категорией, охватывающей концептуально ограниченный и имеющий более узкое определение конструкт пространства. Хотя подобная концептуализация не является широко распространенной, она схватывает ряд аспектов «безместья» (placenessless) (Relph 1976). Подразумевается, что место является доминирующей онтологической категорией че-

ловеческой жизни, однако под воздействием различных социальных и экономических сил оно может лишаться своих персональных и культурных смыслов. Процессы модернизации, индустриализации и глобализации способны превращать место в абстрактное пространство – тем самым оно утрачивает свою культурную интимность и аффективные характеристики.

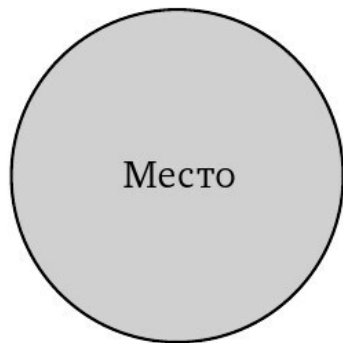
Наконец, концептуализация, которая чаще всего используется в повседневном обиходе и неспециалистами: пространство и место представляют собой одно и то же, поэтому различение их избыточно. В повседневных коммуникациях контекстуальная взаимозаменяемость обоих понятий действительно является привычной, но в этой книге различия между ними проводятся совершенно целенаправленно.

Эти концептуальные взаимоотношения можно проиллюстрировать при помощи приведенных ниже пяти диаграмм Венна⁹. На ил. 2.1 (разделение пространства и места) представлены два отдельных круга – конструкты пространства и места: теоретически либо они могут существовать независимо, либо может быть только один конструкт, исключаящий другой. На ил. 2.2 (взаимное наложение пространства и места) конструкты пространства и места наложены друг на друга, образуя третью зону пространства/места, облада-

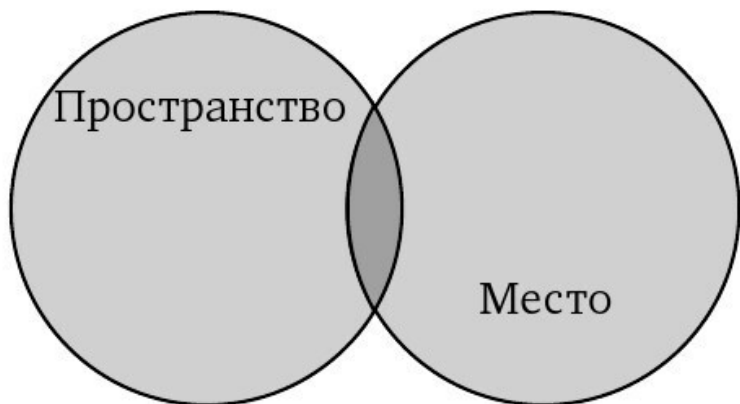
---

⁹ Диаграммы, названные по имени использовавшего их английского логика Джона Венна (1834–1923), изображают все возможные отношения между элементами множества. – *Примеч. пер.*

ящую потенциалом сведения воедино отдельных аспектов обоих конструктов в новый синтез. На ил. 2.3 (место внутри пространства) пространство представлено в качестве господствующего конструкта, внутри которого расположен концепт места в качестве подкатегории или особой разновидности пространства. Наоборот, на ил. 2.4 (пространство внутри места) пространство и место меняются местами: такая конфигурация сигнализирует о том, что онтологической значимостью обладает место, а пространство представляет собой его подвид, или же, согласно моей гипотезе, место обесценивается. Наконец, на ил. 2.5 (пространство и место тождественны) присутствует просто один круг «пространство/место», подразумевающий, что эти два конструкта полностью совпадают, т. е. являются концептуально избыточными, что и происходит в повседневных речевых и письменных практиках.

Ил. 2.1. Разделение пространства и места

Ил. 2.2. Взаимное наложение пространства и места

Ил. 2.3. Место внутри пространства

Ил. 2.4. Пространство внутри места

Ил. 2.5. Пространство и место тождественны

Читатель может руководствоваться этими теоретическими схемами взаимоотношений между пространством и местом, пробираясь через порой водящие кругами дальнейшие рассуждения. Данные диаграммы являются визуальными шаблонами для продолжающихся дискуссий и отправными точками для различных дисциплинарных траекторий и теоретических ориентаций. В заключительной части этой

главы мы к ним вернемся, чтобы установить определения пространства/места и отношения между ними, которые будут использоваться в последующем тексте.

Генеалогии пространства и места

Философская и математическая генеалогия

Философские трактаты Ньютона, Лейбница, Канта, Эйнштейна и других ученых дают основания для множества определений пространства. Интерпретации понятия пространства у этих авторов вращаются вокруг двух альтернативных представлений. Во-первых, это определения пространства как чего-то абсолютного и реального, то есть как некой «вещи», позволяющей располагать в ней наши тела. Либо, во-вторых, пространство оказывается относительной идеей: оно не существует иначе, как в соотношении со временем, опытом, мышлением, объектами и событиями.

Философские дискуссии обычно начинаются с представления Ньютона о том, что пространство является абсолютным и реальным в смысле евклидовой геометрии – структурой, независимой от всего, что в нем находится. Абсолютное пространство является неподвижным и пустым, неким вакуумом, ожидающим заполнения, или координатной сеткой, которую можно измерить. Пространство, по Ньютону, это вместилище или сцена человеческой деятельности:

Абсолютное пространство по самой своей сущности, безотносительно к чему бы то ни

было внешнему, остается всегда одинаковым и неподвижным. Относительное пространство есть его мера или какая-либо ограниченная подвижная часть, которая определяется нашими чувствами по положению его относительно некоторых тел (Newton 1846 [1687]: 77 / Ньютон 1989: 30).

Ньютон, будучи переходной фигурой в развитии модернистского представления о пространстве, отмечает Джон Эгню (Agnew 2005), разделял средневековую концепцию пространства, напоминающего вещь: как и предшествующие поколения ученых, Ньютон считал его чем-то конкретным и реальным.

В работах Лейбница, основателя модернистского представления о пространстве, оно осмысливается как относительный феномен: пространство не является независимым от объектов и событий, а состоит из отношений между ними (Agnew 2005). В трактате 1695 года *Specimen Dynamicum* [«Очерк динамики» – лат.] (Ariew and Garber 1989) Лейбниц не соглашается с ньютоновской теорией абсолютного пространства, из которой следовало, что Бог якобы распоряжается пространственно-временным опытом. Напротив, рациональный подход Лейбница постулирует, что пространство или время не существуют вне определяющих их процессов:

[Пространство] обозначает порядок одновременных вещей, поскольку они существуют совместно, не

касясь их специфического способа бытия. Когда видят несколько вещей, вместе, то осознают порядок, в котором вещи находятся по отношению друг к другу (Письмо Лейбница Сэмюелу Кларку (1715–1716), цит. по: Alexander 1956: 25–26 / Лейбниц 1982: 441).

Дэвид Харви уточняет это определение, обращаясь к рассмотрению философских оснований относительного пространства:

Процессы не происходят в пространстве, но определяют собственный пространственный каркас. Понятие пространства встроено в этот процесс или является внутренним для него (Harvey 2006: 123).

Кант в своих ранних работах соглашается с Лейбницем и его понятием относительного пространства, однако в конце своей статьи 1768 года «О первом основании различия сторон в пространстве» сближается с позицией Ньютона, подкрепляя его аргументацию евклидовой геометрией. В написанной позднее «Критике чистого разума» Кант отмечал:

До сих пор считали, что всякие наши знания должны сообразоваться с предметами. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием, – а это лучше согласуется с

требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны. Здесь повторяется то же, что с первоначальной мыслью Коперника: когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движения небесных тел, то он попытался установить, не достигнет ли он большего успеха, если предположить, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя (Kant 1781: 295–296 / Кант 1994: 18).

Кант утверждает, что пространство является субъективным условием, которым интуитивно обладает индивид, требующимся для восприятия пространственных и временных наглядных представлений (*representations/Anschauungen*). Кант пытается примирить Лейбница и Ньютона, не устраняя идею реального объективного пространства: он утверждает, что без этой предустановки или чувственной интуиции опыт пространства и времени невозможен.

Релятивистская концепция пространства, которая ассоциируется с именем Эйнштейна и неевклидовыми разновидностями геометрии, впервые возникла в XIX веке. Ее разработали Гаусс и Эйлер, а затем математически формализовал Эйнштейн (Harvey 2006). Он указывал, что измерение зависит от системы отсчета наблюдателя, в связи с чем невозможно понимание пространства независимо от времени (Einstein 1922). Тем самым Эйнштейн переводил формулировки в плоскость пространственно-временных исследо-

ваний. Его общая теория относительности обеспечивала возможность для новых комбинаций пространства и материи и предоставляла эмпирические свидетельства в пользу материалистического подхода к понятию пространства.

Концепции пространства, основанные на этих философских и математических предпосылках, используют многие представители социальных наук, однако есть и такие исследователи, которые утверждают, что пространству не следует отдавать добытый им приоритет. Вместо этого они исходят из другой философской традиции, в основе которой лежит категория места. Например, Тим Крессвелл утверждает, что философия места впервые возникает в трудах Платона и Аристотеля, «которые наделили место особенно могущественной позицией в реестре идей» (Cresswell 2015: 25). В греческом языке существует два слова, обозначающих место, – *топос* и *хора*. Первое обозначает место в абстрактном смысле картографии и схематизации, второе указывает на место в более экзистенциальном смысле (Berque 2010). Крессвелл (Cresswell 2015, см. также Casey 1998) считает, что Платон использует понятие *хоры* для обозначения места вместилища с его содержимым, тогда как у Аристотеля оно означает более значительный сегмент пространства (например, в его хорологии¹⁰), а *топос* указывает на место меньшего мас-

---

¹⁰ Понятие «хорология» означает изучение причинно-следственных отношений между географическими феноменами, которые появляются в отдельно взятом регионе, либо изучение пространственного распределения организмов. – *Примеч. авт.*

штаба.

Эдвард Кейси (Casey 1996, 1998) начинает свое исследование категории места с греческой философии, но в то же время в значительной степени опирается на работы феноменологов Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти. Он утверждает, что пространство является понятием, характерным для Нового времени, которому предшествовала домодерная идея места. Место является первичной и универсальной формой человеческого существования как такового, и Кейси «определяет свою программу как расширенную филологическую трактовку места, явно принимающую в расчет его данное в опыте (experiential) и наполненное агентностью основание» (Casey 1993: xv). Иными словами, Кейси отдает приоритет месту, включающему пространство, которое оказывается явлением частного порядка, проистекающим из места (Casey 1996). Из работ Кейси возникает определение места как некой глубинной категории, охватывающей весь жизненный опыт и смысл существования.

Представление Мартина Хайдеггера (Heidegger 2001 / Хайдеггер 2020) о «жительствоваании» (dwelling/Wohnen) также используется в качестве философской отправной точки для постижения экзистенциальной непосредственности места в этнографической и феноменологической работе (Boatright 2015). Например, в эссе «Строительство. Жительствоваание. Мышление» Хайдеггер утверждает, что жительствоваание является пространственным процессом, включа-

ющим строительство и мышление, а акт жительства создает место при помощи намеренного преобразования окружающей среды (Boatright 2015, Heidegger 2001). Жительство есть основа деятельности по созданию места, оно отражает сплетение взаимоотношений человека с миром (Heidegger 2010 / Хайдеггер 1997). Таким образом, жительство в хайдеггеровском смысле дает еще одно философское основание для утверждения, что фундамент человеческой онтологии является место, а не пространство. Продолжающийся спор об онтологической значимости и первенстве места или пространства регулярно возникал в последующих дискуссиях в рамках географических, антропологических, средовых, психологических и архитектурных теорий, к которым мы обратимся.

Генеалогия французской социальной теории

Французские социальные теоретики, как правило, делают акцент на относительном понимании пространства и разрабатывают эту концепцию, расшифровывая пространственные практики в качестве одного из аспектов социального анализа власти и ее осуществления. Однако эти исследователи не вводят категориального определения пространства как абсолютного или относительного – их, скорее, интересует, каким образом физическое пространство и пространственные отношения подчиняют группы и индивидов

или освобождают их от государства и других источников власти и знания. Такие авторы, как Пьер Бурдьё (Bourdieu 1977 [1972])¹¹, Анри Лефевр (Lefebvre 1991 [1974] / Лефевр 2015), Мишель Фуко (Foucault 1977 [1975] / Фуко 1999), Мишель де Серто (de Certeau 1984 [1980] / де Серто 2013), Жиль Делёз и Феликс Гваттари (Deleuze and Guattari 1987 [1980] / Делёз и Гваттари 2010), также обращаются к перемещениям тела и манипуляциям с ним и в качестве некоего измерения пространственного и политического контроля, что дает основание для тезисов, относящихся к концепции воплощенного пространства.

Среди всех французских социальных теоретиков наиболее значительный интерес к вместительности пространства и способности пространства и пространственных отношений производить и воспроизводить социальную жизнь проявляет Анри Лефевр. Согласно его утверждению, «пространство никогда не бывает пустым; оно всегда обладает значением» (Lefebvre 1991: 154 / Лефевр 2015: 159). Лефевр переосмысляет пространство, уходя от картезианского разделения между пространством и его идеологическими назначениями, – вместо этого он представляет единую унитар-

---

¹¹ Базовой работой Бурдьё, оказавшей заметное влияние на концепцию пространственного воплощения культуры Сеты Лоу, является книга «Набросок теории практики», которая не переведена на русский, но ее основные положения вошли в более позднюю и хорошо известную российской аудитории книгу «Практический смысл» (Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Zenкин, Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001). – *Примеч. ред.*

ную теорию, которая сводит вместе разные модальности пространства (Merrifield 2002). Пространство у Лefевра рассматривается как социальный продукт, который маскирует противоречия собственного производства: Лefевр деконструирует эту «иллюзию прозрачности», выводя на поверхность то, каким образом социальное пространство складывается из понятийной триады пространственных практик, репрезентаций пространства и пространств репрезентации (Lefebvre 1974, 1991 / Лefевр 2015). Эта трехкомпонентная диалектическая модель формирует каркас для обнаружения способов производства пространства и демонстрации социальных противоречий, неотъемлемо присутствующих в данных формах производства. Хотя из работ Лefевра не вполне понятно, как в точности осуществляется взаимодействие между элементами этой модели и как они функционируют эмпирически, он утверждает, что три этих элемента – 1) пространственные практики, т. е. пространства, создаваемые при помощи жизненных практик, 2) репрезентации пространства, т. е. карты и теории пространственного планирования, и 3) пространственные репрезентации, т. е. изобразительное искусство, пространственные эксперименты и пространственные практики андеграунда, – можно анализировать с целью выявления скрытых способов производства пространства, что, в свою очередь, приведет к революционному действию (Lefebvre 1991 / Лefевр 2015, Shields 1991, Merrifield 2002). Разрабатываемая Лefевром теория про-

странства включает воплощенные пространственные практики и делает акцент на той роли, которую человеческое тело играет в производстве, а не просто в осознании пространства. Теория пространства Лефевра лежит в основе того представления о социальном производстве, которое будет рассмотрено в главе 3.

Пьер Бурдьё, предпринимая попытку связать человеческих агентов с пространственным доминированием (Bourdieu 1973, 1977), сосредотачивается на пространственном оформлении повседневного поведения, а также на том, каким образом социально-пространственный порядок транслируется в телесный опыт и практику. Предложенное Бурдьё ключевое понятие габитуса подразумевает генеративный и структурирующий принцип коллективных стратегий и социальных практик, который производит существующие структуры. В одной из ранних работ Бурдьё (Bourdieu 1973) кабийский дом [жилище группы берберов, проживающей на севере Алжира] предстает в качестве среды, в которой пространство тела и космическое пространство интегрируются при помощи метафорических и гомологических структур. В результате эта социальная структура воплощается и натурализуется в повседневной практике именно благодаря опыту жизни в наполненном символами пространстве дома. Понятие габитуса пространственно связывает социальную структуру с человеческим телом и пространственными практиками, поэтому возможность сопротивления им

становится более наглядной. Влияние Бурдьё на концепцию воплощенного пространства будет рассмотрено в главе 5, а также в том разделе настоящей главы, где речь пойдет об антропологических генеалогиях.

Мишель Фуко в новаторской работе «Рождение тюрьмы» (Foucault 1977 [1975] / Фуко 1999) и в ряде интервью и лекций о пространстве (Foucault and Rabinow 1984) использует исторический подход, анализируя человеческое тело, пространственные отношения и архитектуру. Фуко рассматривает отношения власти и пространства, обращаясь к архитектуре как политической технологии, предназначенной для реализации интересов государства (то есть контроля и осуществления власти над индивидами) при помощи пространственной «канализации» повседневной жизни. Задачей подобной технологии является создание «покорного тела»¹² (Foucault 1977: 136 / Фуко 1999: 188) посредством отграничения и организации индивидов в пространстве. Фуко теоретически осмысляет способы, при помощи которых пространственные отношения и архитектура вносят свою лепту в сохранение власти одних групп над другими на уровне, включающем как контроль над перемещениями, так и надзор за телом в пространстве. В главе 3 мы обратимся к работам Фуко о социальном контроле и пространственной гугернаментальности.

---

¹² В русском переводе В. Наумова в соответствующем фрагменте речь идет о «покорном субъекте». – *Примеч. пер.*

В свою очередь, Мишель де Серто (de Certeau 1984) задается целью продемонстрировать, каким образом человеческие «способы делания» (ways of operating) формируют механизмы, при помощи которых «пользователи» пространства, организованного при помощи техник социокультурного производства, заново его присваивают (de Certeau 1984: xiv / де Серто 2013: 43). Эти практики артикулированы в подробностях повседневной жизни и используются группами или индивидами, «отныне оказавшимися в сетях „надзора“» (de Certeau 1984: xiv–xv / де Серто 2013: 44). Рассматривая прогулки по городу, наименование города, рассказывание и воспоминания о нем, де Серто разрабатывает теорию обжитого пространства, в котором пространственные практики уклоняются от дисциплинирования городского планирования и контроля со стороны власти. Пешая прогулка, подобно поведению городского фланера у Вальтера Беньямина (Benjamin 1999), представляет собой отталкивающееся от конкретного места пространственное действие, которое осуществляет создание и репрезентацию публичного пространства, а не подчиняется ему.

Власть у де Серто оказывается встроенной в пространство посредством территории и границ, при этом оружием сильного¹³ оказываются классификация, описание и разграниче-

---

¹³ Идеи Мишеля де Серто тесно связаны с работами его современника – американского антрополога Джеймса Скотта, который также много писал о символическом сопротивлении «слабых» групп. Одна из наиболее известных работ Скотта, вышедшая в 1985 году и получившая известность в России (хотя не переве-

ние – все это де Серто именует «стратегиями», – тогда как слабый использует «тактики» – скрытые перемещения, кратчайшие пути и маршруты, – чтобы оспорить пространственное доминирование. Тактики никогда не базируются на существовании некоего особого места для власти или идентичности – они представляют собой форму потребления, «никогда не производящую места в собственном смысле этого слова, но всегда использующую эти места и манипулирующую ими» (Cresswell 1997: 363). Именно поэтому пространственными тактиками слабого выступают мобильность и обособленность от рационализированных пространств власти. В этом смысле пешеход не тождествен мигранту или путешественнику, который после прибытия в пункт назначения принимает соответствующую идентичность и оказывается под контролем государства.

Жиль Делёз и Феликс Гваттари (Deleuze and Guattari 1987 / Делёз и Гваттари 2010) также проявляют интерес к тому, каким образом люди противостоят пространственному дисциплинированию и государству. Они проводят различие между упорядоченными и иерархическими махинация-

---

дена), называется «Оружие слабых: повседневные формы крестьянского сопротивления» (Scott J. C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press, 1985). На русский язык переведены несколько книг Скотта, наиболее близкая к проблематике символического сопротивления книга: *Скотт Дж. Искусство быть неподвластным. Анархическая история выскогорий Юго-Восточной Азии* / Пер. с англ. И. В. Троцук. М.: Новое издательство, 2017. – *Примеч. ред.*

ми государства и боевой машиной кочевника, который использует траекторию бегства либо перемещается по точкам и узлам, а не от одного места к другому (Deleuze and Guattari 1986). В этом смысле Делёз совершает разрыв с Фуко, делая следующее утверждение:

«Фуко, скорее, удивляло следующее: со всей этой властью, с ее уловками, ее лицемерием мы тем не менее можем сопротивляться. Меня же удивляет совсем другое. Утечки повсюду, но правительствам удастся все закупорить. Мы рассматриваем одну проблему с противоположных точек зрения. Вы правы, общество – это флюид, хуже того, это газ. Для Фуко же это архитектура» (Deleuze 2006: 280 / Делёз 2016: 85).

В пространственном анализе Делёза и Гваттари (Deleuze and Guattari 1986) номад избегает государства, никогда не возвращаясь на какую-то территорию, проскальзывая сквозь покрытые бороздами пространства власти и оставаясь вне подчинения дисциплине: фигура номада предстает метафорой тех сил, которые сопротивляются контролю со стороны государства. Данная пространственная мобильность, основанная на горизонтальной перспективе подвижных смыслов, дрейфующих связей и временных столкновений (Chambers 1986; Hannam, Sheller and Urry 2006), характерна для соседства городских встреч или спонтанного уличного театра и политического действия (Copjec and Sorkin 1999, Amin and Thrift 2002 / Амин и Трифт 2017, Merrifield 2013). Кроме

того, подобная мобильность обнаруживается в мире международных аэропортов с их торговыми центрами, ресторанами, банками, почтовыми отделениями, телефонами, барами, видеоиграми, креслами для просмотра телепередач и охранниками – аэропорт предстает мегаполисом-симулякром, в котором обитают современные номады (Augé 1995 / Оже 2017, Chambers 1990). Внутри миниатюризированного мира аэропорта метафора номада становится эмблематичной для определений пространства постмодерна (Augé 1995 / Оже 2017, Looser 2012).

Географическая генеалогия

Осмысление пространства или места в работах географов зависит от их философского бэкграунда. Например, географы-марксисты наподобие Дэвида Харви (Harvey 1990 / Харви 2021, Harvey 2006) и Нила Смита (N. Smith 1984, 2008) заявляют о первичности пространства вне зависимости от того, является ли оно абсолютным или относительным, и выступают за анализ производства и воспроизводства пространства в духе Лefевра (Lefebvre 1974 [1991] / Лefевр 2015). Географы-гуманисты и феноменологи, такие как Эдвард Релф (Relph 1976), И-Фу Туан (Tuan 1977), Дейв Симон (Seamon 1979), Энн Баттимер (Buttimer and Seamon 1980) и Тим Крессвелл (Cresswell 1997, 2015), начинают свои исследования с опыта места. Две указанные школы географи-

ческой мысли явно движутся параллельными траекториями, но иногда эти параллели, впрочем, пересекаются.

Дэвид Харви как в своей первой книге «Социальная справедливость и город» (Harvey 1973 / Харви 2018), так и в последующих работах (Harvey 1990 / Харви 2021, Harvey 2006) проявлял интерес к пространству в качестве одного из способов понимания процессов городского развития при капитализме. В ответ на вопрос «Что такое пространство?» Харви ставит другой вопрос: «Как получается, что разные человеческие практики создают и используют различные концептуальные представления о пространстве?» (Harvey 1973: 13 / Харви 2018: 16–17). Чтобы охарактеризовать эти различные концептуальные представления, Харви разрабатывает получившее широкую известность тройное разграничение абсолютного, относительного и реляционного (соотносительного) пространств, подчеркивая, что данные аспекты находятся в постоянном взаимодействии:

Если пространство рассматривается как абсолютное, то оно становится «вещью в себе», существующей независимо от материи. В таком случае оно обладает структурой, которая может быть использована для классификации или индивидуализации феноменов. Представление об относительном пространстве предполагает, что оно понимается как отношение между объектами, которое существует лишь потому, что существуют и соотносятся друг с другом сами эти объекты. Пространство можно рассматривать как

относительное и в еще одном смысле, в котором я предпочитаю говорить о реляционном пространстве, – это пространство, воспринимаемое в духе Лейбница как содержащееся в объектах: речь идет о том, что объект, можно сказать, существует лишь постольку, поскольку содержит и представляет в себе отношения к другим объектам (Harvey 2006: 121)¹⁴.

С точки зрения Харви, отношения собственности создают абсолютные пространства, тогда как перемещения товаров, людей и услуг происходят в пространстве относительном, «потому что оно требует инвестиций денег, времени, энергии и т. д. для преодоления расстояний» (Harvey 1973: 13 / Харви 2018: 17). Примером же реляционного пространства является соотношение друг с другом участков земли – важный аспект человеческой социальной практики (Harvey 1973)¹⁵. Реляционные процессы фокусируются на диалекти-

---

¹⁴ В русскоязычной социологии города наиболее подробно о реляционном пространстве у Лейбница пишет Виктор Вахштайн (включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов) в книге «Воображая город: введение в теорию концептуализации» (Вахштайн В. Воображая город: Введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2022) и в статье на ту же тему 2014 года: «Лейбниц предлагает радикально не-физическую и не-географическую модель мышления о пространстве. В этой модели пространство лишается и онтологического статуса (оно не есть), и укорененности в созерцании/наблюдении (через него не смотрят), но признается целиком реляционной характеристикой – характеристикой отношения, соположения, сосуществования тел» (Вахштайн В. С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 24). – *Примеч. ред.*

¹⁵ Прямая цитата из книги Харви: «Земельные участки также котируются бла-

ке понимания пространства, и Харви убедительно показывает, что люди неизбежно располагаются во всех трех указанных типах пространства одновременно, но при этом не обязательно соблюдается их равенство. В то же время Харви отмечает, что, несмотря на вдохновляющую новизну этого диалектического противоречия, его сложно применить в каком-либо привычном эмпирическом или позитивистском смысле (Harvey 2006).

Ученик Харви Нил Смит (Smith 1984) предупреждает, что понятие пространства зачастую воспринимается как нечто само собой разумеющееся и поэтому требует критического рассмотрения для обнаружения его противоречивых смыслов. Для самого Смита центральным моментом становится географическое пространство или, в еще более общем смысле, «пространство человеческой деятельности, начиная от архитектурного пространства на низовом уровне и вплоть до масштаба всей поверхности планеты» (Smith 1990: 66). Смит отличает географическое пространство от абсолютно-го и относительного и заново вводит понятие социального пространства, связывая его с испытывающими влияние марксизма теоретическими традициями при помощи ана-

---

логия тому, что они соотносятся с другими участками; сила демографического, рыночного и торгового потенциала весьма ощутима в городской системе, и в форме ренты появляется реляционное пространство как важный аспект человеческой социальной практики» (Харви Д. Социальная справедливость и город / Пер. с англ. Е. Ю. Герасимовой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 17). – *Примеч. пер.*

лиза материального производства этого пространства. Для выполнения данной задачи он обращается к трем направлениям исследований, значимым для развития постпозитивистской географической теории: 1) гуманистической географии, заявляющей о значимости субъективных модусов знания, 2) радикальной политической традиции, интерпретирующей пространство одновременно и как цель, и как порождение социальных сил, и 3) концепции производства пространства, предполагающей «рассмотрение географического пространства в качестве социального продукта» (Smith 1990: 77).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.